

имуущество перед следственным процессом, что обеспечивает суду возможность быть скорым. Этому последнему обстоятельству Зиновий придает большое значение. Затяжка следствия, судебного разбирательства и исполнения приговора чревата, по мнению Зиновия, всяческими осложнениями: «и от престола бо премена судии бывает и смерть постигает, и истец лукав может лести спшити и оправитися, виноват будучи, и послухи купити, и правду искривити, и судию намздити, и смерти предати суперника лукавыми человеки, и суд смешати, и истцов перечных найдет» (л. 200—200 об.). Видимо, Зиновий хорошо знал судебные язвы своего времени! Чтобы подтвердить церковно-историческим примером требование необходимости скорого суда, Зиновий ссылается на Иоанна Милостивого (патриарх Александрийский в начале VII в.), который, отправляясь со священниками на службу, остановился по дороге, для того чтобы рассудить жалобу апеллировавшей к нему вдовицы. Лишь «полно управив вдовицу», патриарх продолжал свой путь (л. 200). Итак, суд должен быть скорым, но ничто не может более способствовать ускорению суда, как крестное целование.

Вся суть вопроса состоит для Зиновия именно в крестном целовании, и это потому, что идеей крестного целования является «божий суд».

Формы состязательного процесса, к каковым относится «поле», «жребий», «крестное целование», исходили как раз из понятия о «божьем суде» и являлись характерными для первоначальных ступеней развития феодального государства. Эти формы судебного процесса убывали в своем значении на протяжении XV в. Судебник 1497 г. дал явное предпочтение розыскному (инквизиционному) процессу над состязательным, особенно же в тех делах, которые непосредственно имели значение для укрепления централизованного государства.

Понятие о «суде божьем» имело определенное идеологическое содержание. Оно покоилось на закоренело-феодальных принципах абстракционизма, нивелирования, обезличения. Соответственно этим принципам люди должны были слепо отдаваться на волю (произвол) стоявшей вне человеческого суждения абсолютной авторитарности, которой и придано было наименование «суда божьего».

Согласно этой идеологии, все мирские обстоятельства, порождавшие споры и конфликты между людьми, не имели никакого значения. Новые формы судопроизводства, которыми отличался инквизиционный процесс с точки зрения апологетов «божьего суда», должны были означать незаконное и даже кощунственное вторжение человеческой воли в суверенную область воли божественной.

Чтобы по достоинству оценить значение судебно-правовых изменений, отличающих Судебник 1497 г. и Судебник 1550 г. с точки зрения принципиально-идеологической, следует прежде всего выяснить, в чем состояла философия идеи «суда божьего». Мы воспользуемся для этого рассуждением Иосифа Волоцкого, доказывающим в «Просветителе», что убийство по воле божьей есть благо, а милование по воле человеческой есть убийство.³⁹ Мы рассмотрим это рассуждение Иосифа Волоцкого с тем большим основанием, что оно, как будет показано ниже, воспроизводится Зиновием Отенским в целях опровержения правовых воззрений Шишкина.

Ссылаясь на Златоуста как автора, формулировавшего идею об убийстве по воле божьей как благе и милости и по воле человеческой как убий-

³⁹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV—начале XVI в. М.—Л., 1955, Приложение, стр. 493.